

А. Н. ХУДОЛЕЕВ

**ИЗУЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ
П. Н. ТКАЧЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
1960-х – 1970-х гг.**

Переосмысливая оценки революционной теории П. Н. Ткачева в советской историографии второй половины 1960-х–1970-х гг., автор анализирует различные подходы к ключевым положениям этой теории. Особое внимание уделено трудностям преодоления искаженного представления о роли и месте народничества в истории русского революционного движения. Делается вывод об односторонности и поверхностности оценки ткачевизма отечественной исторической наукой в силу доминирования марксистско-ленинской концепции.

Ключевые слова: П. Н. Ткачев, революционная теория, советская историография, народничество.

Имя Петра Никитича Ткачева неразрывно связано с историей русского революционного движения. Ткачев разработал и концептуально обосновал теорию, которая вошла в историю отечественной радикальной мысли под названием «русский бланкизм». Многие положения этой теории перешли в народовольчество, а затем стали стержнем тактики и стратегии ленинизма. Взгляды Ткачева существенно отличались от революционно-народнической традиции. Он настаивал на захвате власти небольшой, но сплоченной и централизованной партией революционного меньшинства; отказывался от анархической концепции немедленного разрушения государства, считая, что преобразованное революционное государство можно использовать для построения нового социалистического общества; не верил в созидательные возможности народа, представляя его инертной, слабообразованной массой, способной только разрушать, поэтому высокоразвитое меньшинство должно заставить народ принять новый порядок ради его же, народа, блага, при этом меньшинство не должно гнущаться никакими методами и средствами ради достижения желаемой цели¹. Эти и другие черты ткачевизма хорошо видны в революцион-

¹ Подробнее см.: Худолеев. 2007. Т. 2. С. 50-74.

ной теории В. И. Ленина, на что обращали внимание его современники (Г. В. Плеханов, А. С. Мартынов, П. Н. Милуков и др.)².

«Русский бланкизм» малоизучен в отечественной историографии. Ближе всех к осмыслению феномена бланкизма в России подошел известный отечественный специалист по истории русского революционного движения Б. П. Козьмин. Он подготовил в черновом варианте «Историю бланкизма в России», но доработать и опубликовать ее не успел. После его смерти проблема бланкизма в русской революционной традиции оказалась на обочине исторических исследований. Между тем, в период становления советской исторической науки теоретическое наследие П. Н. Ткачева оживленно обсуждалось исследователями революционного движения. Некоторые авторы делали довольно смелые выводы. Так, С. И. Мицкевич был убежден, что Октябрьская революция в значительной степени произошла «по Ткачеву»³. Его поддерживали Б. П. Козьмин, Б. И. Горев и до определенного времени М. Н. Покровский, который утверждал, что со страниц работ Ткачева «на нас глядит тот же большевизм»⁴. Однако после дискуссии о «Народной воле» и известного письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» обсуждение идейных корней большевизма было насильственно прекращено сверху⁵. В итоге, вплоть до середины 1950-х гг. народническая тематика оставалась запретной для советских историков.

В период «оттепели» возрождается интерес к народничеству. После многолетнего молчания исследователи получили возможность высказаться (правда, в рамках марксистско-ленинской методологии) по различным вопросам истории народничества. Обмен мнениями вылился в масштабную дискуссию о месте и роли народнического этапа в истории русского революционного движения⁶. Эта дискуссия стимулировала интерес к отдельным представителям народнической идеологии. Внимание к взглядам Ткачева в очередной раз было обусловлено идеологическими причинами. В послевоенный период в англо-американской историографии распространилась точка зрения, что именно Ткачев являлся предтечей и духовным отцом большевиз-

² Подробнее см.: Худолеев. 2009. № 318. С. 136-139.

³ Мицкевич. 1923. № 6-7. С. 16.

⁴ Покровский. 1923. 14 марта.

⁵ Подробнее см.: Худолеев. 2008. Вып. 22. С. 217-238.

⁶ Подробнее см.: Худолеев. 2009. Вып. 26. С. 241-264.

ма. Особенно активно эту позицию отстаивали представители Русского исследовательского центра, функционировавшего с начала 1948 г. при Гарвардском университете⁷. Поэтому первостепенная задача официальной советской историографии состояла в том, чтобы дать «достойный» отпор «лживым» измышлениям буржуазных историков⁸.

Примером ретивого выполнения указанной инструкции может служить монография ленинградского ученого С. С. Волка, посвященная истории «Народной воли». Ткачев преподносился там как малозначительный мыслитель, эклектик, впитавший бакунинско-нечаевские идеи, а близость между ткачевизмом и народовольчеством объяснялась не столько прямым заимствованием народовольцами идей Ткачева, сколько стихийно возникшим сходством взглядов⁹. К счастью, не все исследователи соглашались с подобным упрощенным подходом к личности и теоретическому наследию русского народника. С. С. Волку достойно ответил М. Г. Седов. Он подчеркнул, что Ткачев был оригинальным и самобытным мыслителем, неценным по достоинству ни современниками, ни потомками, взгляды которого коренным образом расходились с лавризмом и бакунизмом¹⁰. Тождественность по многим пунктам между ткачевской и народовольческой программами закономерна, так как между этими направлениями можно найти «немало общего»¹¹.

«Оригинальной фигурой среди теоретиков народничества» назвал Ткачева В. Г. Хорос. Своеобразие его взглядам, по мнению автора, придавало то, что он стремился соответствовать историческому учению Маркса и считал себя приверженцем марксизма. В то же время, Ткачев разделял традиционно народнические взгляды и был сторонником субъективной социологии. Модель коммунистического общества, которую проповедовал Ткачев, Хорос назвал «казарменным коммунизмом», но подчеркнул, что «проповедь диктатуры, установка на то, чтобы вводить социализм с помощью дубины,

⁷ См.: *Karpovich*. 1944. Vol. 6. № 3. P. 336-350; *Daniels*. 1957. Vol. 4. P. 218-242; *Schapiro*. 1960. P. 49; *Fishman*. 1965. Vol. 15. № 2. P. 118-127.

⁸ См.: *Игрицкий., Плимак*. 1961. № 5. С. 192-219.

⁹ См.: *Волк*. 1966. С. 161, 240.

¹⁰ Подобным же образом высказался А. Ф. Бережной, отмечая, что Ткачев стремился встать «над схваткой пропагандистов и бунтовщиков», выступая против тех и других. – *Бережной*. 1966. № 8. Вып. 2. С. 109.

¹¹ *Седов*. 1966. С. 110. Такая «идеализация» ткачевизма не понравилась ряду рецензентов. См., напр.: *Смирнов*. 1972. № 16. С. 113-124.

исходили от человека искренне преданного идеям социализма и бескорыстного в партийных делах»¹². Отталкиваясь от этого, ученый обозначил интересный парадокс, когда левацкие устремления того или иного деятеля приводят его к противоречию со своими благими намерениями, к культуре насилия и политическому авантюризму¹³.

Во второй половине 1960-х гг. из ряда описательных, однотипных и шаблонных работ по истории народничества выделялись статьи В. А. Зайцева. Для них был характерен спокойный и вдумчивый подход, желание не «обвинять» и пересказывать «чужие мысли», а самому разобраться в сути вопроса¹⁴. В. А. Зайцев в духе части советских историков 1920-х гг. осмелился заявить, что некоторые идеи революционных народников близки большевизму. Во-первых, это сформированный в среде революционного народничества тип профессионального революционера; во-вторых, неприятие «пассивности» в революционной борьбе; в-третьих, идеологи революционного народничества неоднократно подчеркивали необходимость в партии строгой дисциплины; в-четвертых, они проповедовали взгляд на партию, как на штаб движения, организованный авангард революционных сил¹⁵. Для доказательства вышеназванных черт, автор неоднократно ссылаясь на произведения Ткачева¹⁶.

¹² *Хорос*. 1967. № 12. С. 149.

¹³ Столь точное замечание относительно истории советского общества сопровождалось предостережением от «левацких загибов» в народнической идеологии, культивировавшейся в развивающихся странах. Опасность заключается в «забегании вперед», волонтеристском прожектерстве, игнорировании экономических законов общества и степени культурной подготовленности масс. «На практике, — констатировал В. Г. Хорос, — это может привести только к дискредитации идей социализма» // Там же. С. 150.

¹⁴ «К сожалению, до сих пор немногие исследователи этой эпохи видят в большой книге народнического движения только запачканные поля: идеализм, субъективизм и т.д.» // *Зайцев*. 1967. Т. 176. Вып. 9. С. 68.

¹⁵ См.: *Зайцев*. 1967. Т. 192. Вып. 10. С. 327.

¹⁶ Так, В. А. Зайцев пишет, что у Ткачева «борьба против пассивности личности принимала форму обличения интеллигентского резонерства, когда “румянец воли блекнет под гнетом размышлений”. Нет для него ничего более ненавистного, чем боязливое, мелочное, вечное взвешивание за и против, когда только рассуждают и никогда не решаются, всегда отмеривают и никогда не отрезают». И тут же добавляет: «В. И. Ленин говорил, что одним из свойств образованных людей прошлого, не знавших школы физического труда, является разгильдяйство, небрежность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией,

Мысль М. Г. Седова об оригинальности и специфичности идей Ткачева поддержал Ш. М. Левин. По его мнению, Ткачев, «в отличие от большинства народников, настроенных анархистски или полуанархистски», стоял за использование государственной власти после социалистического переворота и отрицал принцип «освобождение народа посредством народа»¹⁷. В целом, на взгляд ученого, доктрина Ткачева находилась в рамках народнической идеологии, однако он не был сторонником субъективного метода в социологии, свойственного народничеству, хотя иногда и пользовался его элементами в виде волюнтаризма. На проблеме восприятия Ткачевым идей Маркса остановился И. Андреев. Его позиция не выходила за рамки традиционного подхода. Ткачев был в числе тех в России, кто «обратил внимание на учение Маркса об обществе» и в своих отдельных статьях «стремился опираться на основной тезис исторического материализма об определяющем значении экономики для всех других сфер общественной жизни». Но марксизм им понят не был, поскольку экономический материализм по Ткачеву был «проникнут духом психологизма и утилитаризма»¹⁸. В перечень грехов и заблуждений Ткачева Андреев включил также идеализацию крестьянской общины, субъективно-идеалистическую позицию и отсутствие в его теории упоминаний о пролетариате. Тему продолжил С. С. Волк. По его мнению, элементы материализма в объяснении общественных явлений настолько сильны в произведениях Ткачева, что позволяют отделить его «от субъективно-идеалистической школы Лаврова и Михайловского»¹⁹.

В свою очередь, В. А. Твардовская в фундаментальной работе по истории социалистической мысли в России на рубеже 70–80-х гг. XIX в. отметила острое социальное чутье Ткачева, его реалистичный взгляд на перспективы развития капитализма в России. Однако главный акцент она сделала на рассмотрение воздействия теории Ткачева на народовольческую концепцию, доказательстве того факта, что настроения многих народovolьцев 1880–1881 гг. были созвучны непопулярному в то время бланкизму. По мнению автора, учение Ткачева о революционном меньшинстве и о роли народа в революции

браться за все и ничего не доводить до конца. Для революционных народников эти недостатки совершенно нетерпимы в революционере» // Там же. С. 325–326.

¹⁷ Левин. 1969. С. 189, 190.

¹⁸ Андреев. 1969. С. 106, 107.

¹⁹ Волк. 1969. С. 170.

было близко народолюбцам. То же самое можно сказать о характеристике Ткачевым государства²⁰, расстановки социальных сил и признания приоритета политической борьбы²¹.

Вдумчиво подошел к теоретическому наследию Ткачева философ Г. Г. Водолазов. Он постарался вскрыть внутреннюю противоречивость ткачевской программы, показать ее несостоятельность и непрактичность. Главная нестыковка заключается в несоответствии между искренним желанием революционного меньшинства облагодетельствовать народ и необходимостью управлять большинством, недоросшим еще до «правильного сознания». Это, вопреки заверениям Ткачева, неизбежно привело бы к созданию власти, враждебной народу²². Революционное правительство после захвата власти не будет таким твердым и консолидированным, как думал Ткачев. Различные экономические интересы и неподконтрольность власти вызовут трещину и начнется борьба за лучший «кусочек» внутри самой группы «благодетелей». Результатом таких «ссор» может быть только то, что действительные «задачи революции отодвинутся на второй план»²³.

²⁰ «<...> постановка проблемы государства Ткачевым оказалась наиболее близкой к ходу мысли народолюбцев и сыграла важную роль в формировании их концепции революции» // *Твардовская*. 1969. С. 173.

²¹ В итоге, В. А. Твардовская не удержалась от проведения аналогии: «Мечта народолюбцев во многом близка к нашим представлениям о социализме, о коммунизме» // Там же. С. 126.

²² «А у вас, гг. якобинцы? — риторически вопрошал Г. Г. Водолазов, — Кто управляет собственностью. Пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Так? А кто распределяет доход? Конечно же, пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Таким образом, получается, что фактически собственность страны принадлежит вашему, якобинцы, меньшинству; а народ — ваш работник» // *Водолазов*. 1969. С. 143-144. Почти то же еще в 1918 г. писал польский социал-демократ Вацлав Махайский (литературный псевдоним — А. Вольский): «В большевистской диктатуре рабочие “передовики” из революционеров, выражающих волю масс, превращаются в государственных чиновников, которые по большевистской указке строят в буржуазном обществе новое демократическое государство. Они становятся обыкновенными правителями, командирами, надсмотрщиками, уходят от рабочей массы и пристают к низшим слоям буржуазного образованного общества. Теперь они с особенным рвением вводят рабочую дисциплину и вырабатывают на съездах и профессиональных союзах разные системы прижимок, в виде сдельной оплаты труда, расчетов “малопроизводительных” рабочих и даже черных списков» // *Вольский*. 1968. С. 363.

²³ *Водолазов*. Указ. соч. С. 145.

Острая наблюдательность и иронично-критический ум позволили Г. Г. Водолазову провести параллель между недостатками социально-политических взглядов Ткачева и советской действительностью. Правда, понять направленность мысли автора можно было только при трезвом и взвешенном подходе к советской системе. Например, Водолазов по поводу взаимоотношений революционного правительства, якобы знающего нужды народа, с населением, неготовым к социалистическим преобразованиям, резонно заметил, что «там где большинство народа не имеет влияния на власть, там все разговоры о благе народа, о заботе о народе — пустая идеологическая болтовня»²⁴. Такой разрыв между «словом» и «делом» наблюдался в той или иной мере и форме на всем протяжении советского общества.

Таким образом, изучение революционной теории Ткачева во второй половине 1960-х гг., за редким исключением, оставалось односторонним и поверхностным. Лишь немногие авторы стремились подойти к ней с более-менее взвешенной позиции. В центре внимания в основном стояли вопросы «Ткачев и марксизм», «Ткачев и «Народная воля»», связанные со 150-летним юбилеем К. Маркса и активной разработкой народовольческой проблематики.

В 1968 г. в Нью-Йорке вышла книга американского историка Альберта Уикса «Первый большевик. Политическая биография Петра Ткачева». На ее страницах рельефно отображалась взаимосвязь в русской революционной традиции, а Ткачеву отводилась роль главного связующего звена между народничеством и большевизмом²⁵. Красноречивое название монографии и ясность авторского замысла не могли остаться без внимания советских историков. Это поддерживало интерес к Ткачеву на протяжении 1970-х гг. С другой стороны, по мнению части востоковедов и философов, социально-экономическое и политическое развитие ряда бывших колониальных стран Азии и Африки напоминало ситуацию в России второй половины XIX в. В таких странах, как Эфиопия, Гвинея, Танзания, Конго, Египет, Бирма, теории русских народников являлись программами действий. Более того, высказывания некоторых лидеров из указанных стран звучали буквально «по Ткачеву» и стали объектом пристального изучения²⁶.

²⁴ Там же. С. 146.

²⁵ См.: *Weeks*. 1968. P. IX.

²⁶ «<...> в бурных событиях наших дней, — писалось в одной из статей, — мы часто встречаем почти дословное повторение программ революцио-

Направление изучению революционной теории Ткачева в 1970-е гг. задала глубокая и основательная статья М. Г. Седова. Для него Ткачев был интересен прежде всего как мыслитель, пытавшийся «разработать новую теорию, определить новые пути русской революции»²⁷. Новым, привнесенным Ткачевым в народническую доктрину, было развенчание иллюзии народной гениальности, способности к саморазвитию; выделение революционного меньшинства — силы, которая может изменить облик России, и вычерчивание новых путей решения поставленных задач.

Под пером М. Г. Седова, революционная теория Ткачева предстает не как «эпизод» в развитии русской радикальной мысли, а как серьезная и стройная система взглядов, включавшая в себя все теоретические и методологические вопросы революционного действия: определение революции; условия, которые ее порождают; цели, которые она преследует; силы, которые участвуют в процессе революции; роль партии в революции; государственная власть и революция и т.д.²⁸ В отличие от многих своих предшественников и современников, Седов сфокусировал внимание не на минусах ткачевской концепции, а на ее положительных сторонах. По мнению ученого, Ткачев был прав, противопоставляя мирный и революционный пути развития; правильно наметил предпосылки и условия, при которых может начаться революция; верно оценил неустойчивость государственной власти, неудовлетворенность ею многих социальных групп в российском обществе второй половины XIX в.; справедливо не делал ставку на народ, потому что «в тот период народ представлял собой забитую, невежественную массу, которая не могла разобрать-

неров второй половины XIX в., поэтому обращение к истории революционной теории полезно во многих отношениях» // *Блюм*. 1977. № 6. С. 88. См. также: *Хорос*. 1973. № 2. С. 46-57; *Фомина*. 1980. С. 28-40.

²⁷ *Седов*. 1971. № 10. С. 41. «За последние 10-12 лет, — констатировал М. Г. Седов, — опубликовано много статей, брошюр, сборников и несколько монографий о революционерах-семидесятниках. Однако о Ткачеве написано еще крайне мало, а монографических исследований пока нет. Более того, часто даже о, что говорят о нем, представляет собой повторение старого» // Там же. С. 43. Нельзя не согласиться со справедливостью мысли ученого.

²⁸ Как вспоминает ученик М. Г. Седова, он всегда симпатизировал Ткачеву и в устных беседах называл его взгляды на перспективы русской революции наиболее реалистичными в многоцветной палитре народнических идей. См.: *Карпачев*. 2005. № 1. С. 32.

ся в законах революции и ее смысле»²⁹. Многие из положительно оцененных Седовым аргументов Ткачева, звучали в его полемике с Ф. Энгельсом³⁰. Тем самым, автор, не оспаривая оценок Энгельса, берет под защиту Ткачева, латентно ставя под сомнение тезис об абсолютной непогрешимости аргументации немецкого социалиста.

Конечно же, М. Г. Седов не мог обойти вниманием проблему восприятия Ткачевым учения Маркса, традиционно поднимавшуюся многими, кто обращался к теоретическому наследию русского народника. По мнению ученого, Ткачев воспринял экономическую суть марксизма, но не понял его политической составляющей. Поэтому, называя себя сторонником марксизма, он «не мог подняться выше народничества»³¹. Однако в целом восприятие экономического детерминизма имело для Петра Никитича позитивное значение, поскольку увлечение экономической стороной марксизма позволило ему уже в 1860-е гг. признать наличие капитализма в России.

Призыв М. Г. Седова к скрупулезному и серьезному изучению теоретического наследия Ткачева, к сожалению, не был услышан. Уже в статье И. Г. Лиоренцевича, на примере полемики Ткачева с Энгельсом, взгляды русского народника подавались как легковесные, «сверххребяческие» и невежественные³². По мнению автора, Ткачев в полемике с Энгельсом говорил «чистейший вздор»; он неверно определял экономическую основу и движущие силы социалистической революции, не понимал классовой сущности русского самодержавия; исторический путь развития, намеченный Ткачевым, страдал крайним схематизмом, прямолинейным характером анализа и не пониманием «действительной диалектики свободы и исторической необходимости»³³. В то же время, Ткачев не был так «безнадежен», как другие теоретики революционного народничества. Признание доминанты экономики позволило ему высказать ряд верных положений относительно классовой структуры и социального прогресса общества, зависимости общественной и индивидуальной

²⁹ Седов. 1971. № 10. С. 52.

³⁰ См.: Ткачев. 1997. С. 335-344.

³¹ Седов. 1971. № 10. С. 44.

³² Однако автор все же вынужден был признать, что «в области теории Ткачев выступал против субъективного метода, он сделал попытку, исходя из экономического детерминизма, объяснить многие исторические явления, что в частных случаях дало хороший результат» // Лиоренцевич. 1971. С. 42.

³³ Лиоренцевич. 1978. С. 138, 141.

мысли от классовой борьбы. А ткачевская теория «исторического скачка», несмотря на свою утопичность, была «величайшей догадкой о различии буржуазной и социалистической революции»³⁴.

Показательна позиция философа В. А. Малинина. В ней просматривается понимание оригинальности ткачевской доктрины, которое наталкивается на утвердившиеся в сознании стереотипы и не может выйти за их пределы. Для Малинина Ткачев являлся «представителем материалистическо-механических тенденций в гносеологических построениях народников», усвоившим некоторые положения марксизма³⁵. Последнее обстоятельство позволило Ткачеву дать справедливую критику «мелкобуржуазной» экономической теории анархизма. Однако он понимал марксизм упрощенно, «метафизически», не видел в нем «диалектической взаимозависимости, подлинной детерминации»³⁶. Далее автор отметил двойственность теоретической конструкции Ткачева. С одной стороны, он не идеализировал крестьянскую общину, но с другой — не мог отказаться от ее социалистической перспективности. Так же обстояло дело и с вопросом о роли народа в революции. Правильно отмечая невежество и заботливость народа, Ткачев не считал пролетариат той силой, которая способна встать во главе социалистического движения³⁷. Тем не менее, Малинин отводит Ткачеву особое место в истории русского революционного движения. Те из революционеров, кто приходил к убеждению о целесообразности «активной политики», должны были уви-

³⁴ Там же. С. 144.

³⁵ Малинин. 1972. С. 88.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Последний тезис выглядит нарочито притянутым. Откуда Ткачев мог в 1870-е гг. разглядеть революционный потенциал и силу русского пролетариата, если его тогда еще не было?! Нельзя же было, трезво оценивая действительность, назвать «пролетариями» массу маргинализованных крестьян, разорвавшихся и уходивших на сезонные работы в город или перебивавшихся там случайными заработками. Об этом и о желании большевиков выдать маргинализованные массы за настоящий пролетариат иронически писал в начале XX в. Вацлав Махайский: «Не мешало бы Тулину (один из литературных псевдонимов Ленина. — А. Х.) ближе рассмотреть положение превращающихся в “вольных, как птица”, пролетариев; тем более, что они чаще всего становятся таковыми в виде босяков и люмпен-пролетариев, которых Тулин, как марксист, несомненно, недолюбливает <...> действительно, слишком мало в России “вольных, как птица” пролетариев, до того мало, что многим русским идеологам совсем нет возможности заметить их существование». — *Вольский А.* Указ. соч. С. 233.

деть «сходство своих взглядов со взглядами Ткачева на политику как движущую силу общественного развития»³⁸. Позднее В. А. Малинин еще раз подчеркнул мысль, что Ткачева отличал научный подход к теории революционного движения, правда, «с налетом иллюзорного сознания». Кроме того, автор предостерег от упрощенного понимания, а, следовательно, от таких же выводов относительно полемики Ткачева с Энгельсом. По мнению Малинина, при несомненной правоте Энгельса, не стоит забывать, что он критиковал концепцию «заговорщического социализма», а не материализм Ткачева³⁹.

Автор монографии о развитии социалистической идеи в России И. К. Пантин считал ткачевизм направлением, резко отличающимся от «бунтарей» и «пропагандистов». По его мнению, тип мышления Ткачева более элементарен, чем у Бакунина, что стало следствием негативного отношения к философии первого и увлечением философией в молодые годы второго. Вместе с тем Ткачев более адекватно отражал как ситуацию в России пореформенного периода, так и ближайшие задачи революционного движения. Как и многие его предшественники, Пантин отметил знание Ткачевым основных положений марксистской теории, что не мешало ему находиться в порочном кругу идеализма⁴⁰. Схожим образом высказался Э. В. Шамарин. По его мнению, Ткачеву были свойственны субъективно-идеалистические взгляды» по вопросу о происхождении государства. В то же время, автор отметил, что Ткачев, в отличие от анархистов, считал, что в переходный период государство абсолютно необходимо и такая «постановка и разрешение им этого вопроса очень близка к соответствующим марксистским положениям»⁴¹.

По мнению В. Е. Иллерицкого, в трактовке исторических проблем у Ткачева очевидны анархические и волонтаристские устрем-

³⁸ Малинин. 1972. С. 322.

³⁹ См.: Малинин. 1977. № 6. С. 130, 131.

⁴⁰ См.: Пантин. 1973. С. 252.

⁴¹ Шамарин. 1973. С. 161. Тот же акцент на идеализм Ткачева прослеживался в работе Р. П. Конюшей: «При всем умении заметить новые моменты в социально-экономической деятельности своей страны Ткачев <...> в понимании исторического процесса стоял на идеалистической точке зрения, не умел оценить действительной роли масс и классов в историческом развитии и потому не был в состоянии правильно ориентировать русских революционеров относительно стоявших перед ними задач» // Конюшая. 1975. С. 402.

ления⁴². При этом автор не считал нужным утруждать себя обращением к произведениям Ткачева. Ему показалось достаточным для характеристики исторических взглядов Ткачева взять несколько цитат, опубликованных в третьем томе «Истории философии в СССР» за 1968 г. Правовед В. Д. Лазуренко постарался оценить различные аспекты революционной теории Ткачева. В полемике между ним и Энгельсом Лазуренко, конечно, встал на сторону последнего. Взгляды русского народника, хотя и были враждебны анархизму, в чем состояло их достоинство, были вздорными, путанными, сказочными и нанесли «огромный вред» делу подготовки революции в России⁴³. Ткачеву трудно было понять и принять аргументацию Энгельса, поскольку он «никогда марксистом не был, серьезно и глубоко труды Маркса не изучал», ограничившись только словами солидарности⁴⁴.

Рассуждения В. Д. Лазуренко явно противоречивы. Вначале он пишет, что Ткачев подходил к русскому государству «в духе бакунинского анархизма», однако затем отмечает, что Ткачев по-иному, чем Бакунин, расценивал роль государства⁴⁵. Кроме того, Лазуренко демонстрирует незнание тех произведений Ткачева, на основе которых строит свои умозаключения. Так, он пишет, что Ткачев был «ревностным сторонником исключительно нелегальных методов борьбы не только для России, но и для других европейских стран» и не раз «выдвигал против основоположников марксизма нелепейшие обвинения в пропаганде якобы исключительно легальных средств революционной борьбы»⁴⁶. Но, во-первых, «нелепейшие обвинения» против легальности Ткачев выдвигал только один раз – в письме Энгельсу. А, во-вторых, смысл этих «обвинений» состоял в том, что в России, в отличие от Западной Европы, невозможна легальная борьба, в чем и состоит специфика условий деятельности русских революционеров. Ткачев не отрицал возможности легальных методов борьбы при таких же условиях, как в Западной Европе (наличие политических партий, парламента, конституции, профсоюзного движения и т.д.). Он просто

⁴² См.: *Иллерицкий*. 1974. С. 341.

⁴³ См.: *Лазуренко*. 1973. Вып. 6. С. 112, 113.

⁴⁴ *Лазуренко*. 1974. С. 145.

⁴⁵ *Он же*. 1976. С. 104, 109.

⁴⁶ Там же. С. 101, 102.

возражал Энгельсу, что в России пока это невозможно⁴⁷. Тем не менее, по мнению Лазуренко, Ткачев боролся с анархизмом; высказывал глубокие мысли об использовании государственной власти для социалистического переустройства общества, о возможной роли партии в переходном обществе; одним из первых увидел ростки капитализма в России и во многом определил появление народовольчества⁴⁸.

В 1975 г. под редакцией философов А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова началось издание собрания сочинений Ткачева. Первый том открывался обширным вступительным очерком. Это была самая значительная работа о Ткачеве со времени монографии Б. П. Козьмина⁴⁹. В начале очерка авторы справедливо отметили, что о Ткачеве написано гораздо меньше, чем о Бакунине и Лаврове, и что в изучении его теоретического наследия до сих пор существует немало белых пятен⁵⁰. Основная задача очерка заключалась в том, чтобы показать, каким являлось «теоретическое содержание ткачевизма в качестве программы революционного действия в отличие от лавризма и бакунизма»⁵¹. Авторы называют Ткачева сторонником бланкистской тактики, революционная программа которого «покоилась на идее примата практики над теорией»⁵². Специфика теории Ткачева состоит в отсутствии установки на народопоклонничество и в надежде на «сознательное меньшинство», которому отводилась роль внешнего толчка, развязывания революционной инициативы народных масс⁵³.

⁴⁷ «<...> у нас в России немыслима никакая открытая борьба против существующего порядка вещей, — писал Ткачев. — Наши законы, наши учреждения не дают нам ни малейшей возможности вести нашу пропаганду на дегальной почве. У вас теперь имеется эта возможность <...> Но было время, когда и вы были лишены этой возможности. Что вы делали тогда? Вы образовали тайные общества и объединения, вы пользовались подпольной деятельностью. Почему же вы нам ставите в упрек нашу конспирацию? Если бы мы должны были отказаться от конспиративной, тайной, подпольной деятельности, то должны были бы отказаться от всякой революционной деятельности вообще» // Ткачев. Указ. соч. С. 339.

⁴⁸ См.: Лазуренко. 1976. С. 113.

⁴⁹ См.: Козьмин. 1922.

⁵⁰ Пустарнаков., Шахматов. 1975. Т. 1. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 27.

⁵² Там же. С. 29.

⁵³ Там же. С. 29, 31.

В. Ф. Пустарнаков и Б. М. Шахматов выступают против упрощенного представления о революционной теории Ткачева как исключительно волюнтаристской и авантюристической. При всей категоричности некоторых высказываний Ткачева их нельзя трактовать односторонне. В качестве примера берется теория «исторических скачков». Пропагандируя возможность «исторического скачка», Ткачев подчеркивал, что они допустимы не в любое время и не при любых обстоятельствах. Главное условие для «исторического скачка» — изжитость старых экономических отношений и незакрепленность новых. Отсюда проистекал его знаменитый призыв: теперь или очень не скоро, быть может никогда⁵⁴. К тому же нельзя забывать о том, что революционное нетерпение Ткачева «теоретически стимулировалось “экономическим материализмом” идеолога русского бланкизма»⁵⁵.

На взгляд авторов очерка, влияние на Ткачева материалистического понимания истории несомненно, но при всем внешнем сходстве формулировок Ткачева и Маркса «между ними есть принципиальные расхождения», так как Ткачев говорил о личной, а не об общественной пользе⁵⁶. Русского бланкиста интересовали две проблемы: во-первых, пути и способы уничтожения самодержавия; во-вторых, создание социалистического общества. Первая проблема решалась Ткачевым «крайне неудовлетворительно», потому что он переоценивал «степень относительной самостоятельности самодержавия». Зато при решении второй проблемы, как показало будущее, Ткачев оказался самым дальновидным из всех революционных теоретиков. К сожалению, данный тезис остался нераскрытым. Это особенно интересно, учитывая то, что вышеназванное положение контрастирует с призывом бороться с попытками западной историографии «дискредитировать ленинизм путем сближения его с бланкизмом, народовольчеством и ткачевизмом»⁵⁷. Пустарнаков и Шахматов отметили также значительное влияние ткачевизма на «Народную волю», поскольку

⁵⁴ «Так говорить может, — замечают авторы очерка, — или революционный авантюрист, черпающий вдохновение в волюнтаризме, или деятель, который много думал над фактором времени революционного взрыва в России и пришел к выводу, что время этого взрыва пришло. Последнее как раз и относится к Ткачеву» // Там же. С. 33-34.

⁵⁵ Там же. С. 34.

⁵⁶ Там же. С. 43.

⁵⁷ Там же. С. 36, 40.

через народовольчество как раз и выявилось «реальное содержание и историческая значимость деятельности П. Н. Ткачева»⁵⁸.

Таким образом, в очерке Ткачев показывается крупным мыслителем, оставившим значительный след в истории русской радикальной мысли и по тонкости социального анализа превосходившим многих своих современников и коллег по народническому лагерю. Это было отмечено в рецензии А. И. Володина. Он подчеркнул, что Ткачев одним из первых в России познакомился с некоторыми произведениями основоположников марксизма, однако он не стал марксистом, потому что его экономический детерминизм базировался на «осознании краха идеалистического теологизма в сфере социалистической и вообще социологической мысли»⁵⁹.

Авторы вступительного очерка подняли планку изучения революционной концепции Ткачева на достаточно высокий уровень, показали, что ткачевизм наряду с бакунизмом и лавризмом достоин быть объектом пристального исследования. Данную позицию поддержал Р. Н. Блюм. Он вывел революционную теорию Ткачева за рамки классической политической концепции революции и отнес ее к особому «политико-социальному» направлению, исходя из следующих характерных для нее признаков: вера в близкое социалистическое будущее, заговорщичество, волюнтаристский активизм⁶⁰. По мнению Блюма, Ткачев был приверженцем и продолжателем теории исторического реализма Д. И. Писарева. Однако взгляды Ткачева отличали два момента. Во-первых, пропаганда принципа «цель оправдывает средство», и, во-вторых, признание решающей роли экономического фактора в истории. Отметив второй момент, Р. Н. Блюм вынужден был высказать свою точку зрения по проблеме «Ткачев и марксизм». Он не разделял позицию М. Г. Седова, утверждавшего, что только объективные условия социально-экономического развития России 1860–70-х гг. помешали Ткачеву до конца усвоить марксистское учение. Русский народник просто не видел возможности практического воплощения марксизма в условиях пореформенной России. Эти мысли Седова Блюм расценил как «недоразумение», потому что ткачевизм и марксизм — абсолютно противоположные теоретические системы, противостоявшие друг другу: одна с идеалистических позиций, а дру-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Володин. 1977. № 2. С. 176.

⁶⁰ См.: Блюм. Указ. соч. С. 87.

гая — с реалистических. Суть водораздела лежит в понимании классовой борьбы. Если оно идентично, то можно говорить о близости или о восприятии каких-либо положений. Однако «ничего подобного сказать о Ткачеве и Марксе нельзя»⁶¹.

Большое внимание Р. Н. Блюм уделил выявлению внутренних противоречий в, казалось бы, стройной и последовательной системе взглядов Ткачева. Так, он указывает на то, что Ткачев постоянно писал о косности, рутинности масс и о необходимости искать революционную силу вне ее, но иногда заявлял, что народ потенциально всегда готов к революции. Выступал как последовательный сторонник «экономического принципа» и, в то же время, проповедовал теорию «исторического скачка», не связанного с определенной экономической ситуацией. В отличие от Пустарнакова и Шахматова, Блюм называет эти взгляды Ткачева субъективными и авантюристическими. Гораздо более аргументированными и справедливыми выглядят его замечания относительно противоречивости тех пунктов ткачевской программы, в которых говорилось о строительстве нового общества. Так, отрицательное отношение Ткачева к созидательным возможностям народа не мешало ему включить в программу социалистического переустройства Народную Думу в качестве органа народного представительства, помогающего революционному правительству осуществлять преобразования. «В целом очевидно, — пишет Блюм, — что народное представительство не вписывается в концепцию революционной диктатуры Ткачева, поскольку сущностью этой диктатуры остаются антидемократизм и революционный элитаризм»⁶². Следует признать справедливость данного замечания. Действительно, если бы Народная Дума и была сформирована, то либо из представителей самого революционного меньшинства, либо из пассивного «болота». В любом случае, такая Дума была бы «карманной», не выражающей истинные интересы и волю народа, бессловесным придатком правящего меньшинства. Это же можно сказать и о двух этапах деятельности революционного государства. В стране, где большинство еще не осознало и неизвестно, когда осознает свои «потребности», новый строй придется внедрять не силой убеждения, как у Ткачева, а проверенным методом насилия, потому что нововведения меньшинства неизбежно столкнутся с консерва-

⁶¹ Там же. С. 81.

⁶² Там же. С. 85.

тизмом большинства. В итоге, Блюм, констатировал, что «революционная диктатура в том виде, в каком ее изобразил Ткачев, может добиться результатов, прямо противоположных желаемым»⁶³.

Продемонстрированный Р. Н. Блюмом уровень анализа революционной теории Ткачева, к сожалению, не был поддержан. В статье В. Н. Бурлак Ткачев был представлен как один из первых и наиболее активных проповедников марксизма в России. Но, по мнению автора, пропагандировать теорию еще не означает понять и уяснить ее. Ткачев упростил марксизм до неузнаваемости посредством своей «субъективно-идеалистической концепции», замешанной на утилитаризме и антропологизме⁶⁴. Бурлак отмечает двойственность восприятия Ткачевым марксизма. Когда речь шла о Западной Европе, знакомство Ткачева с идеями Маркса проявлялось особенно рельефно. Но когда речь заходила о России, Ткачев «вступал в явное противоречие с марксизмом, а порой и в открыто полемическое отношение к нему»⁶⁵. Бурлак, как и М. Г. Седов, видит в этом в большей степени понимание Ткачевым социально-экономических реалий пореформенного периода, чем отказ от марксизма вообще. Эта точка зрения была поддержана Ю. С. Карпиленко, утверждавшим, что «марксистская идея закономерной смены социально-экономических формаций была усвоена Ткачевым весьма упрощенно <...> Поэтому, несмотря на бесчисленные ссылки на “экономический фактор”, он в целом остается в плену исторического идеализма и механистических представлений о социальном процессе»⁶⁶. Ткачевскую концепцию

⁶³ Там же. С. 87. Мысли Р. Н. Блюма близки замечаниям Н. А. Бердяева, который считал, что «переходный период может затянуться до бесконечности. Те, которые в нем властвуют, войдут во вкус властвования и не захотят изменений, которые неизбежны для окончательного осуществления коммунизма. Воля к власти станет самодовлеющей и за нее будут бороться, как за цель, а не как за средство». *Бердяев*. 1990. С. 105.

⁶⁴ «Отсюда происходит вульгаризация материализма, подмена его утилитаризмом, сохранение элементов антропологического подхода к обществу и его истории, ибо экономический интерес рассматривается лишь как личный». *Бурлак*. 1977. № 4. С. 61.

⁶⁵ Там же. С. 61.

⁶⁶ *Карпиленко*. 1980. № 2. С. 90. А. Д. Сухов также признавал, что «Ткачев призывал использовать идеи Маркса при изучении различных сфер общественной жизни, в том числе религиозной. К работам Маркса Ткачев неоднократно обращался и впоследствии, однако он не пришел к марксизму». *Сухов*. 1980. С. 173.

строительства революционной партии автор называет антиисторической и откровенно идеалистической, так как ее ядро составляют авантюристы от революции. К тому же «в концепции П. Н. Ткачева партия выступает не сознательным авангардом, воспитателем и организатором революционных масс, а самостоятельной ударной силой, как бы заключающей стратегический союз с трудящимися при условии своего руководящего положения»⁶⁷. Однако автор намекает, что в полемике с Энгельсом в доводах Ткачева был элемент правоты, который состоял в верном понимании тенденций развития русского общества. Поэтому его «революционный зуд» исходил не из авантюризма, а из учета реального временного фактора.

Ю. С. Карпиленко соглашался с Г. Г. Водолазовым в том, что попытка практической реализации ткачевской модели социалистической революции привела бы к поражению революционеров. Отсутствие экономических предпосылок и действительно социалистической социальной опоры крестьянства (развитого рабочего класса) поставило бы революционное меньшинство перед дилеммой: «или осуществлять преобразования медленно, с учетом насущных интересов народа, следовательно, распахнуть двери для бесконтрольного ускоренного капиталистического развития, и в результате, либо падение, либо буржуазное перерождение “социалистического” правительства; или осуществлять преобразования быстро, насилуя массы, создавая уравнительно-коммунистическое общество, что закончилось бы либо “де-социализацией”, либо падением диктатуры меньшинства от руки недовольного и возмущенного большинства»⁶⁸.

Концепция Ткачева своеобразно соединяла в себе идеи многих революционных течений, считали Ю. Д. Мишин и Н. Н. Винокурова. В отличие от остальных народников, Ткачев видел в народе скорее потенциальную революционную силу. Он был убежден, что «народные выступления не совершаются без особой “пусковой ситуации” — государственного заговора»⁶⁹. Поэтому, несмотря на многолетнюю изоляцию и отвержение взглядов Ткачева, со временем многие видные революционеры 1870-х гг. пошли на компромисс с ткачевизмом, официально провозглашенным в программе «Народной воли»⁷⁰.

⁶⁷ Там же. С. 91.

⁶⁸ Там же. С. 92.

⁶⁹ *Мишин, Винокурова*. 1979. С. 85.

⁷⁰ Там же. С. 86.

Можно выделить несколько причин, обусловивших интерес к личности и теоретическому наследию П. Н. Ткачева и его взглядам во второй половине 1960-х – 1970-е гг. Во-первых, этому способствовало общее внимание к народническому этапу в указанный период, связанное с дискуссией о народничестве в годы «оттепели». Во-вторых, активное изучение истории большевизма в западной историографии⁷¹. В-третьих, сходство между многими положениями русского народничества и идеологических течений стран «третьего мира». Отдельные ученые (М. Г. Седов, Г. Г. Водолазов, В. А. Зайцев, Р. Н. Блюм, Б. М. Шахматов) стремились не «обличать» и «разоблачать», а серьезно и вдумчиво изучать революционную теорию Ткачева, выявляя ее сильные и слабые стороны. Вместе с тем, по сравнению с другими теоретиками революционного народничества, о Ткачеве писали крайне мало. Число специальных работ было невелико, а монографий не было вовсе. Исследователи не могли выйти за рамки марксистско-ленинской методологии и были осторожны в своих выводах. В отличие от 1920-х гг., вопрос о Ткачеве как о возможном предшественнике большевизма не поднимался. Постулат о том, что марксизм в России вырос и окреп в борьбе с народничеством оставался аксиомой и сомнению не подлежал.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев И.* Ткачев и марксизм // К 150-летию со дня рождения К. Маркса. М.: Издательство МГУ, 1969. С. 101-111.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Бережной А. Ф.* Народники и печать // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1966. № 8. Вып. 2. С. 98-110.
- Блюм Р. Н.* П. Н. Ткачев о теории революции // Философские науки. 1977. № 6. С. 79-88.
- Бурлак В. Н.* Из истории идейных контактов представителей русского революционного народничества с марксизмом (П. Н. Ткачев и марксизм) // Вестник МГУ. Серия Философия. 1977. № 4. С. 54-65.
- Водолазов Г. Г.* От Чернышевского к Плеханову. (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М.: Издательство МГУ, 1969. 208 с.
- Волк С. С.* «Народная воля». 1879–1882 гг. М.-Л.: Наука, 1966. 491 с.

⁷¹ «<...> с помощью Ткачева, — писалось в одной из работ, — «советологи» пытаются «доказать» идейное родство ленинизма и народничества, с тем, чтобы оторвать ленинизм от марксизма и принизить историческое значение ленинизма» // *Корионова*. 1980. С. 95.

- Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л.: Наука, 1969. 214 с.
- Володин А. И.* Рец. на: Ткачев П. Н. Сочинения в двух томах // Вопросы философии. 1977. № 2. С. 175-179.
- Вольский А.* Умственный рабочий. Нью-Йорк: Международное Литературное Содружество, 1968. 432 с.
- Зайцев В. А.* К проблеме историзма в исследовании теории личности революционных народников // Ученые записки МГПИ. 1967. Т. 176. Вып. 9. С. 62-78.
- Зайцев В. А.* Некоторые проблемы теории личности революционных народников // Ученые записки МГПИ. 1967. Т. 192. Вып. 10. С. 316-328.
- Игрицкий Ю. И., Плимак Е. Г.* Питомник клеветников (Русский исследовательский центр в Гарварде) // История СССР. 1961. № 5. С. 192-219.
- Иллерицкий В. Е.* Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период). М.: Мысль, 1974. 350 с.
- Карпачев М. Д.* Творческий путь профессора М. Г. Седова (1912–1991) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2005. № 1. С. 16-34.
- Карпиленко Ю. С.* Социалистические идеи в воззрениях П. Н. Ткачева // Вестник МГУ Серия 12. Теория научного коммунизма. 1980. № 2. С. 88-93.
- Козьмин Б. П.* П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М.: Новый мир, 1922. 210 с.
- Конишая Г. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1975. 440 с.
- Корионова Е. В.* Критика современных буржуазных фальсификаций проблемы преемственности в истории русской социалистической мысли // Актуальные проблемы истории социалистических учений. М.: Издательство МГУ, 1980. С. 88-105.
- Лазуренко В. Д.* Взгляды П. Ткачева на государство // Из истории политических учений. М.: Наука, 1976. С. 94-113.
- Лазуренко В. Д.* Критика Ф. Энгельсом взглядов М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева и П. Л. Лаврова на государство // Проблемы государства и права на современном этапе. М.: Издательство МГУ, 1973. Вып. 6. С. 104-115.
- Лазуренко В. Д.* Правовые взгляды П. Н. Ткачева // Проблемы истории государства, права и политических учений. М.: Издательство МГУ, 1974. С. 143-155.
- Левин Ш. М.* В. И. Ленин и проблема революционных народников 70-х гг. // В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX – начала XX вв. Л.: Наука, 1969. С. 139-230.
- Лиоренцевич И. Г.* Критика Энгельсом идеологов русского народничества // Методологические проблемы истории общественной мысли. Л.: Наука, 1971. С. 38-44.
- Лиоренцевич И. Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX веков. Л.: Наука, 1978. С. 107-195.
- Малинин В. А.* К вопросу о философских идеях революционного народничества // Вопросы философии. 1977. № 6. С. 129-139.
- Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972. 340 с.

- Мицкевич С. И.* Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 3-26.
- Мишин Ю. Д., Винокурова Н. Н.* Особенности революционной идеологии русского народничества 70-х гг. XIX столетия // Философско-социологические проблемы истории общественной мысли России и современность. Новосибирск: Издательство НГУ, 1979. С. 80-91.
- Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. 358 с.
- Покровский М. Н.* Корни большевизма в русской почве // Правда. 1923. 14 марта.
- Пустарнаков В. Ф., Шахматов Б. М.* П. Н. Ткачев — революционер, публицист, мыслитель // *Ткачев П. Н.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 5-90.
- Седов М. Г.* Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М.: Мысль, 1966. 364 с.
- Седов М. Г.* Некоторые проблемы истории бланкизма в России (Революционная доктрина П. Н. Ткачева) // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 39-54.
- Смирнов А. Ф.* За строгую научность, достоверность и историческую правду // Коммунист. 1972. № 16. С. 133-124.
- Сухов А. Д.* Атеизм идеологов революционного народничества // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1980. Вып. 25. С. 170-185.
- Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Наука, 1969. 240 с.
- Ткачев П. Н.* Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. / Под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 335-344.
- Фомина Т. Ю.* О соотношении утопического социализма и революционного демократизма // Актуальные проблемы истории социалистических учений. М.: Издательство МГУ, 1980. С. 28-40.
- Хорос В. Г.* Проблема «народничества» как интернациональной модели идеологии развивающихся стран // Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С. 46-57.
- Хорос В. Г.* С позиций историзма // Вопросы философии. 1967. № 12. С. 147-150.
- Худолеев А. Н.* Дискуссия о «Народной воле» на рубеже 1920–1930-х гг. в отечественной историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство ЛКИ, 2008. Вып. 22. С. 217-238.
- Худолеев А. Н.* Дискуссия о народническом этапе революционного движения (вторая половина 1950 – первая половина 1960-х гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Вып. 26. С. 241-264.
- Худолеев А. Н.* Некоторые проблемы бланкистских традиций в России: к вопросу об идейных корнях ленинизма // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 136-139.

- Худолеев А. Н.* Некоторые проблемы истории русского бланкизма: Революционная теория П. Н. Ткачева // Мир Клио. Сборник статей в честь Л. П. Репиной / Под ред. О. В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2007. Т. 2. С. 50-74.
- Шамарин Э. В.* Государственно-правовые взгляды предшественников научного социализма в России. Киев: Издательство КиевГУ, 1973. 176 с.
- Daniels R.* Lenin and the Russian Revolutionary Tradition // Harvard Slavic Studies. 1957. Vol. 4. P. 218-242.
- Fishman W.* Peter Nikitch Tkachev: Tutor of Bolshevism // History Today. 1965. Vol. 15. № 2. P. 118-127.
- Karpovich M.* A Forerunner of Lenin P. N. Tkachev // The Review of Politics. 1944. Vol. 6. № 3. P. 336-350.
- Schapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union. N.Y.: Random House, 1960. 631 p.
- Weeks A.* The First Bolshevik. A Political Biography of Peter Tkachev. N.Y.: New York University Press; London: University of London Press, 1968. 221 p.

Худолеев Алексей Николаевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории исторического факультета Кузбасской государственной педагогической академии; khudoleev73@mail.ru